

Сюэ Уи смотрел, как тот уходит широкими шагами. Лицо советника скрывала тень, так что выражение его невозможно было разглядеть.

— Зачем умолять его? Я вполне способен сразиться с ним, — раздался от дверей холодный, суровый голос Шан Цюэ, а взгляд его резанул, точно клинок.

— Дело не в том, что ты не можешь сражаться, а в том, что Сицян не в силах воевать, — Сюэ Уи опустил веки и махнул рукой: — Иди. Позови ко мне Цзисюэ.

Шан Цюэ некоторое время холодно смотрел на него и лишь затем повернулся и вышел.

Когда в шатре никого не осталось, Сюэ Уи внезапно согнулся в приступе сильного кашля. Его исхудавшая спина так сильно проступала сквозь одежду, будто натянутый до предела лук.

К моменту, когда вошла Цзисюэ, Сюэ Уи уже отер кровь с губ. Сидя на главном месте, он сделал небольшой глоток чая, смывая солоноватый вкус крови:

— Удалось узнать?

— Да, — Цзисюэ передала ему письмо.

Сюэ Уи взял послание и, дочитав его до конца, вдруг улыбнулся.

— Есть ли вести из Цзайго? Что там слышно?

— Всё точно так, как и предполагал господин советник. Портрет из усадьбы похищен. Вдовствующая царица тайком отправила посланников с этим портретом из Цзайго в Ецзин.

— Ну и стадо дураков, — взгляд Сюэ Уи похолодел. Чтобы свергнуть его, они возомнили, будто могут заключить сделку с Да Е, предложив карту сокровищ покойного правителя. Какая глупость!

— Не нужно ли отправить людей перехватить и перебить посланников? — спросила Цзисюэ.

— Не стоит.

Сюэ Уи с улыбкой тихонько погладил секретное письмо, в котором раскрывалось недавно выясненное происхождение Ань Но. Он никак не ожидал, что случайно встреченный Ань Но окажется Бэйчжань-ванфэй.

Поистине, стоило прилечь, как тут же подали подушку. Опустив глаза, Сюэ Уи тишком усмехнулся и произнес:

— Отправь эти сведения вместе с портретом Бэйчжань-вану.

В письме говорилось, что Бэйчжань-ван без памяти любит ванфэй, так что на этот раз весомости предложения точно хватит, чтобы всколыхнуть в нем интерес.

Цзисюэ приняла приказ, но не сдвинулась с места. Она с тревогой посмотрела на него:

— Господин советник снова кашляет кровью? Вы уже давно не принимали снадобье.

Сюэ Уи продолжил пить чай, будто речь шла не о нем:

— Это снадобье слишком горчит, от него потом разит лекарствами на версту. Если шушера из Цзайго проведает об этом, то подумает, будто я вот-вот отдам концы, — и разве это не порадует их?

Цзисюэ слегка изменилась в лице:

— Господин советник!

Сюэ Уи безразлично отмахнулся:

— Иди. Я еще не умираю.

От автора:

Трус: «Отчего столько народу зарится на Но-но?» (достает пистолет)

Но-но-сокровище: «А?»

Сюэ Уи и впрямь незачем было совершать лишние телодвижения и посылать людей для уничтожения послов, ведь кое-кто заботился о безопасности Бэйчжань-ванфэй куда сильнее его.

Зацепка к тайному сокровищу Сицян кроется в изображенном на портрете человеке, а тот — вылитый Бэйчжань-ванфэй. Заинтересуется ли император Аньцин или нет, но стоило вестям дойти до Ецзиня, как определенно нашелся бы тот, кто попытался бы использовать Ань Чанцина в качестве мишени для своих козней.

Будь в том послании правдой хотя бы половина, Сяо Чжигэ, получив вести, ни за что не стал бы сложа руки смотреть, как посланники вдовствующей царицы живыми добираются до Ецзиня.

Так можно было и избавиться от заклятого врага, и оказать услугу Бэйчжань-вану — почему бы и нет?

И Сюэ Уи не прогадал: Сяо Чжигэ действительно не смел рисковать жизнью и безопасностью Ань Чанцина.

Вести принесла лично служанка Сюэ Уи. Помимо них, она доставила и портрет.

Служанка твердила, будто изображенный человек точь-в-точь похож на Ань Чанцина, но Сяо Чжигэ хватило единственного взгляда, чтобы понять: на свитке изображен вовсе не Ань Чанцин. Глаза на портрете были более узкими и раскосыми, губы — тоньше, отчего весь облик веял некоторой холодностью. И даже алая родинка под левым глазом не смягчала ледящего взгляда.

Ничего общего с Ань Чанцином. Если судить по чертам лица, этот человек должен быть невероятно сдержанным и отстраненным.

Совсем не похож на его Но-но — мягкого и теплого.

Сяо Чжигэ долго вглядывался в портрет, храня молчание. Цзисюэ, держась достойно и сдержанно, произнесла:

— Господин советник просил передать князю слово: пока он жив хоть день, Сицян ни за что не станет врагом Да Е.

Сяо Чжигэ заложил руки за спину, на мгновение задумался, опустив глаза, а затем ответил ей:

— Вернись и передай своему советнику: на прежнюю сделку этот князь согласен.

Затем он указал на портрет:

— Эта картина ведь копия? Я оставлю ее себе.

Портрет и впрямь был лишь копией, сделанной Сюэ Уи; подлинник тот давно убрал подальше. Цзисюэ слегка поклонилась, оставила свиток и так же бесшумно удалилась, как и пришла.

А Сяо Чжигэ еще долго молча стоял над картиной. Он не думал, будто Сюэ Уи станет прибегать к столь топорному обману, а значит, и портрет, и тайное сокровище Сицян с высокой вероятностью были настоящими.

Столь поразительное сходство, вплоть до расположения родинки под глазом... Списывать всё на случайное совпадение было бы откровенным самообманом.

Долго размышляя, Сяо Чжигэ пришел к выводу, что разгадка, скорее всего, кроется в родне Ань Чанцина по материнской линии. Семья Ань — коренные жители Ецзиня, к тому же выскочки из недавних нуворишей, и они никак не могли быть связаны со Сюэ Чаном или Сицяном. Оставалась лишь родня матери.

Мать Ань Чанцина... изначально была куртизанкой из борделя, продававшей только свое искусство, а о ее родителях ничего не было известно.

Обдумав дальнейший план, Сяо Чжигэ осторожно спрятал портрет, написал письмо и велел срочно отправить его с гонцом. Лишь уладив все дела, он пригласил Чан Цзайчана, чтобы обсудить вопрос о нефритовых рудниках.

Когда Чан Цзайчан услышал, что Сицян согласен уступить нефритовую руду, его лицо онемело от изумления. Спустя некоторое время он прищурился:

— С чего бы мне казалось, будто тут кроется что-то, о чем я и понятия не имею?

Сяо Чжигэ равнодушно бросил на него взгляд:

— Вещей, о которых ты не имеешь понятия, более чем достаточно. Твое дело — направить людей на добычу. И как договаривались ранее: семь частей мне, три — тебе.

Чан Цзайчан поразмыслил. За долгие годы общения он отлично изучил Сяо Чжигэ и знал, что тот не станет вредить ему. Раз князь не желает открываться, выпытывать не стоит. Вместо этого он спросил:

— А когда откопаем, как сбывать?

Ведь об этом не докладывали в Ецзин, так что действовать напролом не стоило.

На этот счет у Сяо Чжигэ давно имелся план. Он ответил:

— Когда добудут нефрит, необработанную руду не нужно спешить раскалывать. Пусть торговые караваны везут необработанные камни прямо на юг. Провинции там богатые, наверняка найдутся толстосумы, готовые раскошелиться.

Нынче Да Е переживало не лучшие времена, однако в прошлые годы знавало расцвет. В особенности южные земли: в свое время Тай-цзу открыл границу для торговли, завязался активный обмен с Юйцзэ, и край процветал не один год. Местные богачи лопались от денег. Пусть последующие государи и запретили торговлю, нажитое богатство никуда не делось. У них не было нужды экономить — наоборот, они искали, куда бы спустить средства. Если привезти туда необработанный нефрит и пустить его с молотка прямо в виде камней, покупатели точно найдутся.

Чан Цзайчан немного обомлел:

— Продавать необработанные камни с аукциона? Неужели кто-то купит?

Сяо Чжигэ косо поглядел на него:

— Пошли толкового человека, пусть сначала разогреет публике интерес. Среди южных богачей немало заядлых азартных игроков.

Подобные зажиточные купцы, разумеется, не стали бы таскаться по захудалым игорным домам ради сомнительных развлечений. Их забавы были куда изысканнее: скачки, соколиная охота или бойцовые птицы — каждое из этих увлечений требовало безумных трат.

Одиночный кусок обработанного нефрита, конечно, стоил денег, но чтобы выкачивать непрерывный доход из двух целых месторождений, сил одних лишь южных округов могло и не хватить. А вот подобный аукцион необработанных камней способен еще сильнее подстегнуть любопытство этих богачей.

Из необработанного камня может выйти как великолепный самоцвет, так и пустая порода. Идея поставить малое против великого разжжет в них азарт, и тогда за сбыт можно не переживать.

Чан Цзайчан глубоко задумался и вскоре отправил людей заниматься организацией. Сяо Чжигэ же прихватил портрет и отправился на поиски Ань Чанцина.

Ань Чанцин уже позавтракал и в это время читал книгу в кабинете. Юй Сяо исполнял свои обязанности весьма прилежно — вился у дверей кабинета хвостиком, готовый прислужить. Увидев приближающегося Сяо Чжигэ, он поспешно поднялся и поклонился.

Сяо Чжигэ слегка кивнул и широким шагом прошел внутрь.

Ань Чанцин услышал шаги снаружи и как раз отложил свиток, выходя навстречу. Сяо Чжигэ при виде него запнулся на мгновение и неосознанно сравнил его с изображенным на портрете: чем дольше он вглядывался, тем очевиднее казалась разница между ними.

Он не собирался утаивать это от Ань Чанцина, а потому просто запер дверь кабинета и изложил ему всю суть дела.

Портрет развернули и разложили на письменном столе. Ань Чанцин изумленно уставился на него, будто пытаясь прожечь взглядом дыру в бумаге.

Спустя долгое время он качнул головой и уверенно произнес:

— Ни разу не видел. И от матушки никогда ничего подобного не слышал.

Не только в этой жизни, но и в прошлой он знать не знал, что хоть как-то связан с тайным сокровищем Сицян. От матушки он слышал лишь кое-какие воспоминания прошлых лет, но и там не упоминалось ни о каком Сицяне. Всё, что он знал: вскоре после рождения матушку бросили у дороги, и в ее пеленках лежал лишь нефритовый кулон «Двойная рыба». Добрые люди подобрали ее и вырастили, но потом настал голодный год, и из-за ее красоты приемные родители продали девушку в публичный дом, чтобы добыть денег на пропитание.

<http://bllate.org/book/18381/1767776>